

Кабак как публичное пространство крестьянского мира в период акцизной торговли в России (1860-е–1890-е годы)

Н. И. Горская

Наталья Ивановна Горская, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России факультета истории и права Смоленского государственного университета. 214000, Смоленск, ул. Пржевальского, 4. E-mail: gorskaya-n@yandex.ru

Аннотация. Объектом изучения являются сельские кабаки — питейные заведения России второй половины XIX века. Кабаки рассматриваются как специфическая форма крестьянских публичных собраний, обладавших чертами клубов. Этот феномен сельской жизни анализируется на основе нарративных и законодательных источников 1860–1890-х годов. Исследование ограничено территориальными рамками северо-западных и центральных аграрных губерний. К концу XIX века в России заметно возросло количество добровольных объединений, среди которых большой популярностью пользовались клубы. До недавнего времени клубы рассматривались исключительно как социально-культурное явление, характерное для общественной жизни городов и городской повседневности. В конце XIX века наблюдалось усложнение социальных функций клубов, этих мест проведения досуга городских жителей. В последнее время наметилась тенденция именовать и питейные заведения второй половины XIX века в сельской местности не только клубами, но и ростками гражданского общества. В настоящей статье показано, что кабаки, являясь публичным пространством крестьянской жизни, имели признаки городских клубов, но их функции в этом качестве ограничивались исключительно сферой досуга с включением отдельных элементов деловой и информационной коммуникации. Традиционная дихотомия крестьянской жизни — в семье и на миру — получила дополнительные смыслы не только за счет расширения крестьянского взаимодействия, но и за счет более широкого функционала кабака, чем просто питейного заведения. Вместе с тем кабак как феномен сельской жизни был олицетворением социальной аномалии в форме пьянства и одновременно вбирал в себя некоторые изменения в традиционном укладе крестьянской жизни, что являлось отражением растущих связей между деревней и городом, большей открытости крестьянского мира.

Ключевые слова: история России, история повседневности, крестьянство, публичное пространство, акциз, кабак, трактир, клуб

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-2-21-35

Питейные заведения для простого народа

Кабаки появились в России при Иване Грозном. Во второй половине XIX века они оставались наиболее распространенным видом питейных заведений в сельской местности. Росту количества кабаков

способствовала реформа, отменившая винные откупа и вводившая с 1 января 1863 года свободную торговлю винами, облагавшимися акцизным сбором. Акцизная система, сохранявшаяся до введения государственной винной монополии по закону 8 июня 1894 года, была временем расцвета кабаков в сельской местности (Горюшкина, 2011). Государственная винная монополия вводилась постепенно. На территориях интересующих нас губерний она распространилась через несколько лет после принятия закона: в Смоленской — с 1 июля 1897 года, в Псковской и Новгородской — с 1 января 1898 года, в Калужской, Тверской и Костромской — с 1 июля 1901 года (Горюшкина, 2018: 461).

Частная торговля в заведениях трактирного типа сохранялась и по реформе 1894 года, правда, с условием, что владельцы обязаны были приобретать спиртные напитки в местах казенной продажи питей¹. Но развитие частного предпринимательства в области продажи спиртных напитков населению наблюдалось именно во второй половине 1860-х — начале 1880-х годов, в эпоху «грюндерства», увлечения реформаторов либеральными экономическими теориями.

Слово «кабак» («кабачок») не имеет однозначной трактовки (Травер, 2013: 95). В законодательстве второй половины XIX века слово «кабак» как неприемлемое для высокого стиля законов не употреблялось, оно заменялось такими словосочетаниями, как «винная лавка», «питейное заведение для раздробительной торговли», «питейное заведение на землях крестьянских обществ». В публицистике и в повседневной крестьянской жизни для обозначения частных мелких лавок, занимающихся продажей крепких спиртных напитков на землях крестьянских обществ, применялось укоренившееся слово «кабак». В кабаках, в отличие от трактиров, «запрещались закуски и мебель» (Прыжов, 2009: 244). Закон определял внутреннее устройство кабаков: «винные лавки должны иметь окна и двери на улицу, состоять из одной комнаты с одним ходом, без всяких внутренних сообщений с другим каким-либо помещением и с жилою квартирою продавца; в них не должно быть никакой мебели, кроме стойки; для хранения питей устраиваются отдельные полки»². Таким образом, кабак ассоциировался у современников с образом исключительно питейного заведения, расположенного в неказистом помещении, состоявшем из одной комнаты.

По мере совершенствования акцизного законодательства, после закона 14 мая 1885 года, в России начинается замена кабаков заведениями трактирного типа. Для сельской местности это часто означало, что с этого времени во вчерашних кабаках можно было устро-

1. Положение о казенной продаже питей (1898) // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3 (далее — ПСЗРИ-3). Т. 14. № 10766. Ст. 17, 20.

2. Правила о раздробительной продаже напитков (1885) // ПСЗРИ-3. Т. 5. № 2946. Ст. 68.

ить кухню для горячей пищи, поставить мебель и назвать кабаком трактиром. На эту реорганизацию и пошли многие кабатчики. Начиная со второй половины 1880-х годов, деревенский кабак превращается в деревенский трактир, который, по существу, мало чем отличался от кабака (Горюшкина, 2020: 190, 192). Кроме того, нередко, вплоть до введения государственной винной монополии, кабак соседствовал с трактиром, а крестьяне «новые» заведения «трактирного типа» называли кабаками. В вопроснике из первой программы Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева, созданного в 1897 году для обследования крестьянского быта, обозначение различных питейных заведений в селениях крестьян шло одной строкой: трактир, кабак, постоялый двор (место для ночлега). Представители сельского «образованного общества» (земские учителя, священники, землемеры, земские начальники и т. п.), привлеченные тенишевским Этнографическим бюро в качестве корреспондентов, не всегда проводили водораздел между кабаком и трактиром, потому что от них требовались только «социальные факты», «свидетельства об увиденном и услышанном» (Баранов, 2006: 177), а социальные факты часто заключались в функциональной и визуальной идентичности кабака и трактира. Не только кабак превращался в трактир, но и трактир превращался в кабак. В материалах Этнографического бюро, полученных из Костромской губернии, есть прямые указания на это: «внутреннее устройство заведения: с приходу — буфет; за буфетом то же, что и в кабаке»; «трактир превратился в кабак, т. е. чаепития и в помине нет» (Русские крестьяне, 2004: 81, 128).

Общественные клубы для крестьян

В период акцизной торговли, под влиянием отмены крепостного права, кабаки, оставаясь местом для распития спиртных напитков, приобрели для крестьян дополнительное значение. Они стали родом общественных собраний крестьян, специфическими говорильнями, где обсуждались различные вопросы повседневной жизни. На этом основании представители образованного общества стали именовать их клубами по аналогии с городскими объединениями. В свою очередь, во второй половине XIX века понятия «клубы» и «говорильни» «употреблялись без четких границ, как формы проявления общественного самодельного начала на разных площадках» (Розенталь, 2011: 394). Историю городских клубов в России как общественных ассоциаций, имевших уставы и внутренние правила и выполнявших функции организации досуга, исследователи связывают с реализацией ими общественных интересов и возраставшей общественной активности горожан (Розенталь, 2011). Но нельзя ли эти черты в той или иной степени обнаружить в сельских кабаках?

На первый взгляд аналогия между кабаком и клубом кажется неуместной, поскольку кабаки совершенно обоснованно ассоции-

руются в общественном и научном сознании с распространением пьянства в простом народе и решением правительством фискальных задач. Тем не менее свидетельства современников и этнографические материалы по шести аграрным губерниям центрального и северо-западного регионов страны (Калужской, Костромской, Новгородской, Псковской, Смоленской, Тверской), полученные как раз накануне распространения на эти территории государственной винной монополии, говорят о том, что к концу XIX века кабаки стали для крестьян чем-то большим, чем просто местом распития спиртных напитков.

Кабак существенно отличался от городского клуба: здесь не было самоуправления и устава, а роль «организатора» играло само питейное заведение, созданное с целью получения прибыли его устройтелем. Однако появление кабака и, часто, его закрытие было невозможно без участия крестьянской общины. Можно даже сказать, что сельское общество выступало в качестве «учредительного собрания» для кабаков. Начиная с 1868 года питейное заведение на землях крестьянского общества могло быть открыто только по разрешению сельского общества³. Это правило сохранялось на протяжении всего периода акцизной торговли, несмотря на некоторые уточнения и изъятия. В 1873 году была введена норма, по которой кабаки могли открываться на территории общества, состоящего из нескольких селений, только в том в случае, если за это проголосовало не менее двух третей домохозяев именно того селения, где намечалось открыть кабак⁴. И хотя в 1885 году для больших селений с числом жителей более 5 тыс. человек разрешение сельского общества на открытие кабаков было отменено, все остальные селения и общества сохранили это право.

Судьба кабака напрямую зависела от желания крестьян сохранить питейное заведение: крестьяне могли ходатайствовать и о закрытии кабаков, приняв такое решение простым большинством участников сельского схода⁵. Кроме того, среди кабатчиков нередко можно было видеть крестьян, поскольку закон разрешал открывать кабаки лицам всех сословий, включая крестьян⁶. Кабаки могли содержать и сами сельские общества, но не должностные лица волостного и сельского управления, а также не церковные старосты и их жены⁷. По распоряжению губернского по питейным де-

3. Новая редакция статей Устава о питейном сборе (1868) // ПСЗРИ-2. Т. 43. Отд. I. № 46003. Ст. 510 (г, з).

4. О порядке открытия питейных заведений на землях крестьянских обществ (1873) // ПСЗРИ-2. Т. 48 Отд. 2. № 52773. С. 394.

5. Правила о раздробительной продаже напитков (1885) // ПСЗРИ-3. Т. 5. № 2946. Ст. X, 63.

6. Новая редакция устава о питейном сборе (1868) // ПСЗРИ-2. Т. 43. Отд. I. № 46003. Ст. 303.

7. Правила о раздробительной продаже напитков (1885) // ПСЗРИ-3. Т. 5. № 2946. Ст. 29, 31.

лам присутствия могли быть закрыты кабаки, «содержатели коих своими злоупотреблениями, хотя бы и на суде не доказанными, вывозут общее неудовольствие местных жителей»⁸. Таким образом, местное начальство, задачей которого было сохранение общественного порядка, в деревенской социальной иерархии было поставлено выше кабатчика, а кабаки несли на себе печать социальной ущербности, выпадения из общего ряда общественной жизни, поскольку судебное решение было поставлено ниже «неудовольствия» жителей. Такое положение противоречило общей политике в отношении деревни, нацеленной на формирование правового сознания у крестьянского населения.

Внутреннее устройство кабаков по размерам, чистоте и комфортности сильно различалось на территории одного уезда, а то и волости. Однако в целом оно соответствовало запросам крестьян, их бытовым привычкам. В селениях Калужской губернии кабак «представляет собой просторное помещение, обыкновенно направо от входа — стойка с водками и наливками, посредине — чугунная печка, а по остальным трем стенам расставлены лавки для посетителей» (Русские крестьяне, 2005: 359). Аналогичное устройство кабака мы находим и в Смоленской губернии. В селе Издешково Вяземского уезда он представлял собой большую избу, делившуюся «стойкой» на две половины: «За стойкой на полках стоит водка да наливка в посуде разных сортов. Другая большая часть устроена стойками, вокруг которых стояли табуреты. По правилам любого частного или общественного места в красном углу (за стойкой) располагалась икона Божьей Матери с Божественным младенцем на руках»⁹.

Но кабак кабаку — рознь. В соседнем с Вяземским Дорогобужском уезде, по свидетельству известного ученого и публициста А. Н. Энгельгардта, «кабачок помещался в старой, покачнувшейся на бок, маленькой полусгнившей избушке, каких не найти и у самого бедного крестьянина. Все помещение кабачка восемь аршин¹⁰ в длину и столько же в ширину. Большая часть этого пространства занята печью, конуркой хозяев, стойкой, полками, на которых расставлена посуда, бутылки очищенной, бальзама — напитка приятного и полезного — и всякая дрянь <...> В кабачке грязно, темно, накурено махоркой, холодно, тесно» (Энгельгардт, 1999: 208–209). Богаче и солиднее устраивался «классический трактир», располагавшийся, как правило, в самом большом селе. Корреспондент из Калужского уезда отмечал: «Устройство местного трактира подводится под общий тип подобных заведений. Это двадцатиаршинное здание с тремя комнатами: общим залом и двумя отдельными

8. Там же. Ст. 47.

9. Государственный этнографический музей (далее — ГЭМ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1533. Л. 10–11.

10. Аршин — 0,71 метра.

комнатами на случай более важных посетителей. Столы расставлены в два ряда, покрыты красными скатертями. При входе — стойка, за которой сам хозяин трактира» (Русские крестьяне, 2005: 231).

В конце XIX века этнографы отмечали большие различия («в поведении крестьянина, когда он находится в обществе и когда он один»: «в обществе он держит себя осмотрительно и осторожно, в суждениях короток и вообще старается поскорее отделаться») (Там же: 241). Такое поведение можно считать характерным для сельского и волостного сходов, где была коммуникация между властью и крестьянином, между богатым и бедным. Посещение гостей также предполагало соблюдение некоторых ритуалов. Другое дело — кабак. Как сообщал член Этнографического бюро из Новгородской губернии, в кабак крестьянин шел смело, «наперед зная, что хозяин не посмотрит на него косо» (Русские крестьяне, 2009: 77).

Кабак чаще всего посещали жители одной или нескольких окрестных деревень. В кабаке, как и в городском клубе, существовало устойчивое сообщество знакомых людей, объединенных общими хозяйственными интересами, бытовыми и культурными привычками. Одновременно кабак носил открытый характер, привлекая тех незнакомцев, которые все чаще появлялись в сельской местности, а его устройство предусматривало неодинаковый социальный статус посетителей. Начиная с середины 1880-х годов и законодательство стремилось придать кабакам некоторые черты клубных и приличных учреждений, регулируя состав посетителей кабака. В кабаки не допускались «распутные женщины», в них запрещались «недозволенные увеселения, игры, бесчинства и беспорядки», запрещалась продажа спиртного малолетним и «видимо пьяным»¹¹.

Крестьяне посещали кабаки в праздники, в воскресенье, в свободное от тяжелых крестьянских работ время, и особенно охотно — зимними долгими вечерами: «Днем в кабаке крестьян бывает мало. По вечерам туда трудно проникнуть <...> Зажиточные пьют водку, бедные смотрят, как пьют богатые» (Русские крестьяне, 2005: 358).

В кабак крестьянин шел не только для того, чтобы выпить и не обязательно для этого. Название «клуб» применительно к кабаку часто мелькало на страницах корреспонденций Этнографического бюро Тенишева в качестве учреждения досуга и развлечений. Крестьянина привлекала возможность побыть на людях, посмотреть на других, скоротать время с односельчанами и узнать новости. Это была площадка, где крестьяне свободно беседовали на самые различные темы и могли получить полезные хозяйственные сведения.

Разговоры в кабаке велись всякие, «и скабрезные, и повествовательные, и свои сельскохозяйственные» (Там же: 359). В Вет-

11. Правила о раздробительной продаже напитков (1885) // ПСЗРИ-3. Т. 5. № 2946. Ст. 42, 43.

лужском уезде Костромской губернии крестьяне обменивались информацией по многочисленным вопросам: «Кто что работает, кто сколько намолотил. Заплатил ли подушные подати, кто сколько кому дал заимообразно хлеба, а бабы — какая сколько напряла или выткала» (Русские крестьяне, 2004: 81).

Корреспондент из Жиздринского уезда Калужской губернии сообщал: «В праздничное время, в свободное время наши крестьяне любят собираться вместе и чаще всего около кабака, <...> но пьяниц между ними не много, гораздо меньше, чем между другими сословиями. В кабак же мужик идет для того же, для чего горожанин идет в клуб — развлечься, посмотреть людей, послушать новости, поговорить о мужицких своих делах» (Русские крестьяне, 2005: 106).

Кабак, крестьянский сход, информация

Чтение этнографических материалов наводит на мысль, что легко провести аналогию между сельским сходом и кабаком. Например, в соседних Калужской и Смоленской губерниях в кабаках обговаривали решения сельских сходов, а в зимнее время пользовались услугами кабатчика и проводили «общественные сходы», видимо, мирские сходы (Русские крестьяне, 2005: 359)¹². Общее между кабаками и сельскими сходами заключалось в том, что они служили местом распития спиртных напитков. «Теперь упомяну о зле, — писал земский начальник, — присущем всякому сходу: это — общественные попойки. Да и неудивительно. Ни одно дворянское или земское собрание не проходит без различных обедов; только мы пьем на свои деньги, и пить умеем; у мужика же денег своих нет, и он пропивает мирские, которые тоже считает за свои, да к тому же меры не знает. Вот и вся разница» (Новиков, 1899: 41).

Однако там, где были кабаки, крестьяне переносили празднование в кабак, считая его более подходящим местом для этого дела: взятие магарыча, сдачи в аренду земли, раздела или договора найма, приводили к посещению кабака целыми обществами (Русские крестьяне, 2005: 230). В свою очередь, корреспонденты видели и «обратное движение»: «Бывают на сходах и пьяные, только их сейчас со схода удаляют» (Русские крестьяне, 2004: 264). На сходах, в отличие от кабаков, поддерживался общественный порядок: «Драки на сходках были запрещены обычаем. Крестьянское общественное мнение считало уместным драку на базаре и в кабаке» (Громыко, 1991: 98).

Многие элементы клубного досуга — игра в карты, обмен новостями и слухами — крестьяне перенесли в кабак с ярмарок или уличных сельских развлечений. Карточная игра, популярная

12. ГЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1533. Л. 10–11.

в аристократических и интеллигентских клубах, была популярна, хотя и не повсеместно, также и среди крестьян. Встречи в кабаке по праздникам или «как выпадет свободный час», по крайней мере, их чинное начало, воспроизводили традиционную форму крестьянской повседневности — посиделки, точно так же, как городской клуб воспроизводил форму дворянского отдыха: «Разговор начинал хозяин или кто-то из грамотных крестьян, затем вступали все, дело доходило до шуток-прибауток и заканчивалось угощениями, имевшими свою предысторию, характер благодарности, желания “уважить” и постепенно перерастало в общую попойку и часто — в драки» (Русские крестьяне, 2005: 395). При этом интересно заметить, что кабак не заменил традиционных форм крестьянского времяпрепровождения и крестьянских праздников, таких как уличные игры, катания, хороводы, посиделки, совместное пение песен и т. д. и т. п. (Громыко, 1991: 319–441).

Кабаки были местом деловых встреч, где заключались разного рода сделки: торговые, обмена, найма рабочей силы и другие. «Злачные места» имели высокий общественный статус и приносили большой коммерческий успех вдалеке от больших городов, когда они становились временными центрами деловой активности. Корреспондент из Мещевского уезда Калужской губернии сообщал, что трактир, постоялый двор и кабак сосредоточены в центральном селении Щелканове, куда «за отдаленностью городов, сходится и съезжается все продающее и покупающее население волости», и «в базарные дни они битком набиты крестьянами из соседних деревень» (Русские крестьяне, 2005: 478). Причем большим статусом обладают трактиры (их два), потому что принадлежат богатым людям (купец и купец-землевладелец) и более просторны. Но один из трактирщиков — богатый купец и является кабатчиком. «В трактирах заключается, или правильно — заканчиваются все договоры, наймы, расчеты, разговоры ведутся делового характера, конечно, со страшной примесью хвастовства. Пришедшие без дела пьют; шум невообразимый» (Там же). С ним соглашался корреспондент из Ветлужского уезда Костромской губернии, что «нигде не заключается [столько] условий на вывозку леса как в трактире; там же рядит вывозить лес доверенный от каких-нибудь Варшавских, там же рядит подрядчик Бурлаков» (Русские крестьяне, 2004: 128).

Все эти договоры заключались без всякого письменного оформления, на честном слове. «Не исполнять данного слова обещания крестьянами считается за стыд и за грех» (Громыко, 1991: 96). Договоры подкреплялись распитием магарыча, и часто заключение договора перетекало в крестьянскую вечеринку. Для участников сделок выпивка спиртного имела символическое значение. Во-первых, если «магарыч выпит — значит, договор состоялся». Но не только. Заключение договора означало достижение промежуточного хозяйственного успеха, надежды на получение выгоды или обретения заработка.

Кабак, как и любой клуб, был источником не только хозяйственных новостей, но и сведений об окружающем мире. В одной из деревень Череповецкого уезда Новгородской губернии в кабаке «обо всем можно было наговориться с соседями», можно было встретить людей из соседней деревни и услышать новости от них, но самое интересное наступало, когда в кабак заглядывал мужик, возвращающийся из города, потому что он «сообщит крестьянам все городские новости, а главное — скажет цены на жизненные продукты, которые крестьянам надо купить–продать: ржаную муку, овес, пшено, картофель и т. п.» (Русские крестьяне, 2009: 77).

Источником информации в кабаках были газеты и наглядная агитация в форме лубочных картинок или цветных иллюстраций из журналов. «Содержатель трактирных заведений выписывает газеты “Сельский вестник” и “Волгарь” и предоставляет их в распоряжение посещающих трактир», — сообщалось из Варнавинского уезда Костромской губернии (Русские крестьяне, 2004: 68). В Смоленской губернии в крупном селении Издешково стены кабака были украшены лубочными картинами патриотического и развлекательного содержания. Большой популярностью пользовалась военная тематика, картины, посвященные недавней Русско-турецкой войне 1877–1878 годов (Скобелев на белом коне, Взятие Плевны, Шипкинский бой), и картины давних сражений, оставшихся в народной памяти: Полтавский бой, Бородинское сражение. Удивительным образом они соседствовали с рекламным и просветительским материалом, с призывами «чокнемся», «выпьем» и изображениями героев народных песен. Внизу картин располагались тексты этих песен. В такой ситуации в центре общества находились грамотные крестьяне, они были героями, читая надписи на изображениях и отвечая на уточняющие вопросы односельчан. Волей-неволей кабак пропагандировал пользу грамотности. Пример подавал и сам хозяин, мещанин Щербаков, выписывавший для кабака газету «Свет» и делившийся с крестьянами новостями свежего номера: «Газета, судя по рассказам крестьян, тоже служила приманкою не малой. Стали по праздничным дням к Щербакову собираться крестьяне из довольно отдаленных деревень, чтобы узнать про разные новости. Все равно праздничное дело, отчего не сходить»¹³.

В Калужской губернии отношение к картинам было несколько иным. Здесь серьезные лубочные картины с изображением государя, иностранных королей, русских полководцев (Суворова, Кутузова, Скобелева) и церковного содержания украшали крестьянские избы. И «только в трактире можно встретить картину легкого содержания с куплетами» (Русские крестьяне, 2005: 577). К концу XIX века во всех губерниях крестьяне почти повсеместно украшали свои избы и кабаки разного рода картинками, имевшими эстетическое и информационное значение.

13. ГЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1533. Л. 10–11.

Но можно ли на том основании, что кабак был источником новостей и иногда выписывал газеты, считать его народной школой или избой-читальней? Конечно, нет. Распространение газет через кабаки, видимо, было редкое либо далеко не повсеместное явление. Так, в Тарусском уезде Калужской губернии, который в отношении народного образования стоял «на одном из первых мест в губернии», кабатчик одной деревни по принуждению полиции выписывал «Губернские ведомости», но «никогда их не читал». В других местах этого уезда трактиры совсем не выписывали газет (Там же: 577, 582).

Газеты и журналы находились в земских библиотеках и школах, а порой и в крестьянских избах, но не в кабаках. В свою очередь, кабаки не стремились к распространению книг и журналов среди крестьян и не стремились стать избой-читальней. У него было свое назначение, несовместимое с функцией просвещения. Кабак оставался питейным заведением и одновременно клубом для развлечений и веселого времяпрепровождения, временами — местом деловых встреч и деловой информации, но никогда не претендовал на функции образовательного учреждения.

Социальная аномалия

При всех положительных чертах, которые кабаки приобрели к концу XIX века, его нельзя назвать и «зародышем гражданского общества» (Кимбалл, 2004: 137–146). Современные исследователи гражданского общества понимают эту институцию «как общественную сферу, занимающую промежуточное место между личностью и государством, где осуществляется их коммуникация» (Туманова, 2011: 7). Кабаки не пересекали границы крестьянского мира. В кабаках не было места для решения должностных вопросов ни для земского начальника, ни для волостного старшины или писаря.

Более того, при всех новых чертах кабаки оставались социальной аномалией, главным виновником распространения пьянства, с которым это же образованное общество вело борьбу. Да и у крестьян отношение к распитию спиртных напитков было двояким. Поэтому в литературе того времени мы встречаем взаимоисключающие суждения и оценки. Народник А. Н. Энгельгардт защищал крестьян: «Начитавшись в газетах о необыкновенном развитии у нас пьянства, я был удивлен тою трезвостью, которую увидел в наших деревнях. Конечно, пьют при случае — Святая, никольщина, покровщина, свадьбы, крестины, похороны, но не больше, чем пьем при случае и мы» (Энгельгардт, 1999: 32).

С другой стороны, земский начальник высчитывал экономический урон, нанесенный пьянством: «Одним из источников разорения народного является пьянство. Действительно, если считать приблизительно стоимость водки и акциза, расходы кабатчика

по его кабаку, прибыль его, <...> то окажется, что вся Россия расходует на каждого жителя, включая женщин и детей, рубля по три, а это на среднюю семью составит 15–20 рублей — почти столько же, сколько все подати вместе взятые» (Новиков, 1899: 180).

Точно так же и корреспонденты Этнографического бюро из Тверской и Псковской губерний связывали пьянство или его отсутствие с наличием или отсутствием питейного заведения. Они свидетельствовали, что «пьянства в настоящем смысле этого слова нет в деревне вследствие того, что самый близкий трактир находится в семи верстах от деревни, пьют в деревне только по большим престольным праздникам» (Зубцовский уезд, Тверская губерния) (Русские крестьяне, 2004: 480). В Псковской губернии в Пажеревицкой волости крестьяне совсем хотели уничтожить кабаки, но все же в центре волости, в Пажеревицах, «всегда был кабак», поэтому в остальных деревнях пьянство не уменьшилось (Русские крестьяне, 2008: 279). В свою очередь, крестьяне из Череповецкого уезда Новгородской губернии сожалели о закрытии кабака, но не потому, что «тосковали по водке», «водку и без кабака достать можно», а потому, что там весело проводили зимние долгие вечера пьющие и непьющие «в обществе сладкоречивого кабатчика» (Русские крестьяне, 2009: 77).

В конце XIX века в некоторых селениях вблизи больших торговых трактов, центров экономической жизни, где крестьяне были поглощены делами, наблюдалось запустение кабаков: «Большое селение Ягодное в 115 верстах от Калуги и 60 верстах от Козельска. Через селение пролегает торговый тракт, часть крестьян занимаются огородничеством и имеют наемных батраков. В Ягодной до 15-и постоянных дворов, один трактир и один кабак. В трактире, как правило, приезжие, в кабаке каждый вечер можно встретить несколько завсегдатаев — это подмастерья кузнеца, сапожника, портного. Ягодинцы — в сущности — трезвый народ и в кабак не любят ходить, а к кому приедет гость, то выпьют на дому. Так что ни кабак, ни трактир роли общественных собраний не играют» (Русские крестьяне, 2005: 380).

Порядок в кабаке, поведение и даже содержание разговоров в немалой степени зависели от владельца кабака — кабатчика. Материалы источников, если не опровергают устойчивые представления о грубости кабатчика, спаивавшего неграмотных крестьян, то существенно их корректируют. Вернее, поведение держателя кабака соответствовало его статусу и включало такие характеристики, как «обходительный», «грамотный», что, без сомнения, отвечало желанию кабатчика заманить как можно больше посетителей в свое заведение, получить доход и самому интересно провести время.

С другой стороны, кабатчик не был учителем. А. Н. Энгельгардт писал из Дорогобужского уезда Смоленской губернии в середине 1870-х годов о владельце кабака: «Хозяин вахмистр с хозяйкой Сашей своею приветливостью, честностью, отсутствием, свойствен-

ной кабатчикам жадности к наживе, привлекали всех. И вахмистр, и его жена Саша были люди умные, не кулаки, с божьей искрой, как говорят мужики» (Энгельгардт, 1999: 209). Крестьянин-кабатчик «с сельчанами стоит в дружеских отношениях, хотя в долг редко кому верит», сообщал корреспондент из Калужской губернии (Русские крестьяне, 2005: 359).

Содержатели кабаков сплошь и рядом нарушали правило, по которому они не имели права давать спиртные напитки в долг «на счет будущего урожая, под заклад платья, посуды или иных вещей, за промен означенных напитков на хлеб или другие сельские произведения», а также платить вином за произведенные работы или по обязательствам», как это предписывал закон¹⁴. Тем не менее, в обход закона, кабатчики богатели не только за счет продажи спиртных напитков, но и за счет торговли из-под полы хлебом, «красным товаром», скотом; в свою очередь, и крестьяне брали у кабатчиков хлеб, зерно, ситец, сукно. Кабатчики использовали свое заведение и как место найма рабочей силы или привлечения рабочих в свои имения за долги. Корреспондент из Череповецкого уезда Новгородской губернии подтверждал сказанное, сообщая в Этнографическое бюро, что хозяин кабака из «подгородней деревни, побывавший в солдатах, очень бойкий, сообразительный, хитрый и пронырливый» постоянно дает в долг и в результате «Степаныч у нас живет на собственной земле, имеет хороший дом, солидную торговую лавку и продолжает из нее “обдолжать” крестьян» (Русские крестьяне, 2009: 80).

С какими бы характеристиками кабатчиков в разных уголках страны мы ни встречались, они не могли примерить на себя одежды просветителей, а кабак не годился на роль просветительного учреждения. Кабак и школа располагались на противоположных полюсах крестьянской жизни. Экономическая составляющая устройства кабаков со стороны их владельцев была главной, и для достижения коммерческого успеха хозяин вел себя «любезно» и пользовался самыми разнообразными средствами для привлечения посетителей, не препятствуя превращению кабака в специфический сельский клуб.

Библиография

- Баранов Д. (2006). Крестьянская программа В. Н. Тенишева: текст и контекст // Антропологический форум. № 4. С. 176–187.
- Горюшкина Н. Е. (2011). Пьянство и борьба с ним в эпоху винного акциза (1863–1894) // Известия Российского государственного университета им. А. И. Герцена. № 143. С. 7–13.

14. Правила о раздробительной продаже напитков (1885) // ПСЗРИ-3. Т. 5. № 2946. Ст. VII, 3.

- Горюшкина Н. Е. (2018). Винная реформа 1863 года: модернизация алкогольной политики Российского государства. Дисс... док. ист. наук (07.00.02). Курск: Курский государственный университет.
- Горюшкина Н. Е. (2020). Как трактир победил кабака: о последствиях закона 14 мая 1885 г. // Известия Юго-Западного университета. Серия История и право. № 10 (2). С. 188–196.
- Громыко М. М. (1991). Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия.
- Кимбалл А. (2004). Деревенский кабака как зародыш гражданского общества во второй половине XIX в. // Общественные науки и современность. № 6. С. 137–146.
- Новиков А. (1899). Записки земского начальника Александра Новикова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича.
- Прыжов И. Г. (2009). История кабаков в России в связи с историей русского народа. СПб.: ИД «Авалонь», ИД «Азбука-классика».
- Розенталь И. С. (2011). Клубы и развитие российской общественности // Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в. М.: РОССПЭН. С. 374–431.
- Русские крестьяне (2004). Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1: Костромская и Тверская губернии. СПб.: Деловая типография.
- Русские крестьяне (2005). Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 3: Калужская губерния. СПб.: Деловая типография.
- Русские крестьяне (2008). Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 6: Курская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская, Тульская губернии. СПб.: Деловая типография.
- Русские крестьяне (2009). Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 7: Новгородская губерния. СПб.: Деловая типография.
- Травер П. В. (2013). История и образ кабака и трактира в русской культуре. Ч. 1. Об истории кабака на Руси и трактира в России // История и современность. № 1 (17). С. 90–108.
- Туманова А. С. (2011). Введение // Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в. М.: РОССПЭН. С. 5–27.
- Энгельгардт А. Н. (1999). Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М.: Наука.

Н. И. Горская
Кабака как публичное пространство крестьянского мира в период акцизной торговли в России (1860–1890-е годы)

Pub as a public space of the peasant world under the excise trade in Russia (1860s — 1890s)

Natalia I. Gorskaya, DSc (History), Professor, Department of Russian History, Faculty of History and Law, Smolensk State University. Przheval'skogo St., 4, Smolensk, 214000. E-mail: gorskaya-n@yandex.ru.

Abstract. The article considers Russian rural pubs in the second half of the 19th century as a specific place of peasant meetings with the club features. The author describes rural life based on the narrative and legislative sources of the 1860s–1890s for the north-western and central agrarian provinces. By the end of the 19th century, the number of voluntary associations in Russia had significantly increased, and clubs were very popular. Until recently, clubs were considered as an exclusively social-cultural phenomenon of urban social and everyday life. In the late 19th century, the social functions of clubs widened beyond some leisure places for urban residents. In the second half of the 19th century, there was a tendency to consider pubs in rural areas not only as clubs but also as the sprouts of civil society. The article shows that pubs as a public space of peasant life had signs of urban clubs, but their functions were limited to leisure with some elements of business and communication. The traditional dichotomy of peasant life — family and community — gained additional meanings due to the expansion of peasant interaction and to the additional functionality of rural pubs. Moreover,

as a phenomenon of rural life pubs represented a social anomaly (drunkenness) and absorbed some changes in the traditional way of peasant life, which reflected both the developing ties between the village and the city and the greater openness of the peasant world.

Key words: Russia, the second half of the 19th century, peasantry, public space, excise duty, pub, club, leisure, everyday life

References

- Baranov D. (2006) Krestiyanskaya programma V.N. Tenisheva: tekst i kontekst [Peasant program of V.N. Tenisheva: Text and context]. *Antropologicheskyy forum*, no 4, pp. 176–187.
- Goryushkina N. E. (2011) Piyanstvo i borba s nim v epokhu vinnogo aktsiza (1863–1894) [Drunkenness and the fight against it in the era of wine excise (1863–1894)]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. I. Gertsena*, no 143, pp. 7–13.
- Goryushkina N. E. (2018) *Vinnaya reforma 1863 goda: modernizatsiya alkogolnoj politiki Rossijskogo gosudarstva* [Wine reform of 1863: Modernization of the alcohol policy of the Russian state]. Diss. d.i.n., Kursk: Kursky gosudarstvennyy universitet.
- Goryushkina N. E. (2020) Kak traktir pobedil kabak: o posledstviyah zakona 14 maya 1885 g. [How the tavern beat the pub: On the consequences of the Law of May 14, 1885]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*, no 10, pp. 188–196.
- Gromyko M. M. (1991) *Mir russkoj derevni* [The World of the Russian Village], Moscow: Molodaya gvardiya.
- Engelgardt A.N (1999) *Iz derevni. 12 pisem. 1872–1887* [From the Village. 12 Letters. 1872–1887], Moscow: Nauka.
- Kimball A. (2004) Derevensky kabak kak zarodysh grazhdanskogo obshchestva vo vtoroj polovine XIX v. [Village pub as an embryo of civil society in the second half of the 19th century]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, no 6, pp. 137–146.
- Novikov A. (1899) *Zapiski zemskogo nachalnika Aleksandra Novikova* [Notes of the Zemstvo Chief Alexander Novikov], Saint Petersburg: Tip. M. M. Stasyulevicha.
- Pryzhov I. G. (2009) *Istoriya kabakov v Rossii v svyazi s istoriej russkogo naroda* [History of Pubs in Russia in Connection with History of the Russian People], Saint Petersburg: ID “Avalon”, Izdatelsky Dom “Azbuka-klassika”.
- Rozental I. S. (2011) Kluby i razvitie rossijskoj obshchestvennosti [Clubs and the development of the Russian public]. *Samoorganizatsiya rossijskoj obshchestvennosti v poslednej treti XVIII — nachale XX v.*, Moscow: ROSSPEN, pp. 374–431.
- Russkie krestiyane* (2004) *Zhizn. Byt. Nrav: materialy “Etnograficheskogo byuro” knyazy V. N. Tenisheva* [Russian Peasants. Everyday Life. Morals: Materials of the Ethnographic Bureau of Prince V. N. Tenishev]. Vol. 1: Kostromskaya i Tverskaya guberniya, Saint Petersburg: Delovaya tipografiya.
- Russkie krestiyane* (2005) *Zhizn. Byt. Nrav: materialy “Etnograficheskogo byuro” knyazy V. N. Tenisheva* [Russian Peasants. Everyday Life. Morals: Materials of the Ethnographic Bureau of Prince V. N. Tenishev]. Vol. 3: Kaluzhskaya guberniya, Saint Petersburg: Delovaya tipografiya.
- Russkie krestiyane* (2008) *Zhizn. Byt. Nrav: materialy “Etnograficheskogo byuro” knyazy V. N. Tenisheva* [Russian Peasants. Everyday Life. Morals: Materials of the Ethnographic Bureau of Prince V. N. Tenishev]. Vol. 6: Kurskaya, Olonetskaya, Pskovskaya, Sankt-Peterburgskaya, Tulsckaya gubernii, Saint Petersburg: Delovaya tipografiya.
- Russkie krestiyane* (2009) *Zhizn. Byt. Nrav: materialy “Etnograficheskogo byuro” knyazy V. N. Tenisheva* [Russian Peasants. Everyday Life. Morals: Materials of the Ethnographic

Bureau of Prince V. N. Tenishev]. Vol. 7: Novgorodskaya guberniya, Saint Petersburg: Delovaya tipografiya.

- Traver P. V. (2013) *Istoriya i obraz kabaka i traktira v russoj kulture* [History and image of pub and tavern in the Russian culture]. Part 1. Ob istorii kabaka na Rusi i traktira v Rossii. *Istoriya i sovremennost*, no 1, pp. 90–108.
- Tumanova A. S. (2011) *Vvedenie* [Introduction]. *Samoorganizatsiya rossijskoj obshhestvennosti v poslednej treti XVIII — nachale XX v.* [Self-Organization of the Russian Public in the Last Third of the 18th — Early 20th Century], Moscow: ROSSPEN, pp. 5–27.

Н. И. Горская

Кабак как публичное пространство крестьянского мира в период акцизной торговли в России (1860–1890-е годы)